

После затяжных дождей в городе S наконец-то распогодилось. Но каков бы ни был соблазн выйти наружу, улицы пустовали — на дорогах стояли глубокие лужи, и при малейшей неосторожности можно было забрызгать брюки до самых колен.

Гун Цзе полночи проболтала со своим парнем, так что утром буквально валилась с ног от усталости и теперь дремала, распластавшись по парте. Но на большой перемене вокруг так шумели и сновали, что поспать, при всей ее изнуренности, не удавалось.

Рядом сидел Ли Чжи. Гун Цзе сквозь дрему улавливала мерный шорох его ручки по бумаге. Вскоре он стих, сменившись шуршанием раскрываемого бумажного пакета, а следом донесся отчетливый запах сэндвича с треской.

— У этой трески слишком сильный рыбный запах, — негромко пробормотал Ли Чжи.

— Потому я и взял лимонный чай. Он уберет привкус.

Голос звучал бесстрастно и холодно, как у покойника. Чу Минчжан.

Ли Чжи замолк на пару секунд. Чу Минчжан тоже не спешил с ответом. Слышался лишь шорох сминаемой оберточной бумаги.

— Я не люблю такое, — снова заговорил Ли Чжи.

— Надо, — отрезал Чу Минчжан. — Завтракать нужно обязательно.

Гун Цзе слегка нахмурилась и бесшумно перевернула голову на другой бок. Приоткрыв веки, она украдкой подсмотрела за ними: Ли Чжи с кислой миной жевал злосчастный сэндвич, а Чу Минчжан стоял рядом, скрестив руки на груди, и молча наблюдал — ничего больше не делал, просто смотрел.

Сцена выглядела странно. В последнее время Гун Цзе с головой ушла в медовый месяц собственных отношений, из-за чего упустила из виду перемены между Ли Чжи и Чу Минчжаном. В ее представлении все оставалось по-старому: Ли Чжи — преданный хвостик, во всем потакающий капризам своего молодого господина.

Обычно ведь Ли Чжи метался по утрам, чтобы принести завтрак этому высокомерному барчуку. С каких пор их роли поменялись? Впрочем, Гун Цзе быстро и с удовольствием приняла новые правила игры. Такое положение дел ее только радовало.

Но последовавший диалог заставил Гун Цзе по-настоящему изумиться. Ли Чжи, едва ли не зажимая нос, осилил лишь половину и наотрез отказался доедать:

— Брат Минчжан, я правда больше не хочу.

Чу Минчжан давить не стал. Он лишь придвинул к нему стаканчик с лимонным чаем:

— В следующий раз просыпайся вовремя, иначе опять останется только это.

Ли Чжи по жизни был уступчивым и неприхотливым, но стоило зайти разговору об утреннем меню, как он превращался в капризного гурмана. Гун Цзе знала об этом не понаслышке.

Китайские завтраки он браковал: то пахнут слишком резко, то чересчур жирные. На предложение Гун Цзе съесть по тарелке жидкой каши он возражал, что ею не наешься. К европейским блюдам тоже придирался: яичница казалась ему маслянистой, соус — со странным привкусом. Обычно он ковырялся в тарелке, делал пару укусов и сдавался. Единственным местом, где он ел с относительным аппетитом, была кофейня на первом этаже школы.

Но заведение пользовалось успехом, и свежие заготовки там разлетались мигом. Придешь чуть позже — и ничего не останется. Вот и сегодня, когда Чу Минчжан туда заглянул, на прилавке сиротливо лежали лишь сэндвичи с треской.

— Не забудь завести будильник на ночь. Мы сегодня чудом не опоздали.

Ли Чжи послушно кивнул, и Чу Минчжан зашагал прочь. Стоило ему скрыться, как Гун Цзе лениво потянулась и села на стуле. Подперев ладонью подбородок, она прищурилась:

— Твоя сиятельная «болезнь» прогрессирует, я смотрю? Завести будильник — дело одной секунды, а он даже пальцем пошевелить не может? С какой стати тебе наниматься к нему живым будильником?

Ее внезапный голос заставил Ли Чжи испуганно вздрогнуть.

— Что ты... Нет, все совсем не так!

Оглядевшись, он смущенно понизил голос:

— Я уже несколько дней живу у него в общежитии. Брат Минчжан терпеть не может резкий звон будильника, а я и без всяких звонков просыпаюсь рано. Вот и бужу его.

Ли Чжи неловко взъерошил волосы на затылке:

— Просто вчера мы засиделись почти до рассвета... Вот я и проспал.

Эти несколько фраз обрушили на Гун Цзе лавину такой ошеломительной информации, что она лишилась дара речи.

— Погоди-ка... Что?! — Она едва не поперхнулась воздухом. — Да что ты такое несешь?

— Ты живешь вместе с ним?!

— И вы вдвоем не спали почти до рассвета?!

Гун Цзе шумно втянула воздух сквозь зубы, во все глаза разглядывая друга с ног до головы.

— Чем вы там, черт возьми, занимались целую ночь напролет?!

В её голове за долю секунды промчался ураган из столь откровенных и не поддающихся цензурному описанию картин, что впору было звать полицию нравов. Гун Цзе отчаянно затрясла головой, вытряхивая из мыслей пошлые подробности. Постаравшись придать голосу как можно более небрежный и деликатный тон, она спросила:

— Ли Чжи, ответь мне честно.

— Кем вы с Чу Минчжаном друг другу приходитесь?

Ли Чжи растерялся. Поколебавшись пару секунд, он неуверенно произнес:

— Друзьями?

Его колеблющийся, зыбкий тон заставил сердце Гун Цзе тревожно сжаться:

— Совершенно платоническими?

Ли Чжи промолчал. После долгой паузы он тихо обронил:

— Я не знаю.

У Гун Цзе потемнело в глазах. Только что изгнанные из головы пошлые образы хлынули обратно полноводной рекой, еще более откровенные и горячие. Голос ее сорвался и задрожал, как натянутая струна:

— В... в смысле? Что значит «не знаю»? Что между вами произошло?

Она выкрикнула это так громко, что Ли Чжи испуганно вздрогнул. Понадобилось несколько секунд, чтобы до его целомудренного разума дошло, о чем именно она говорит. Лицо его тут же вспыхнуло пунцовым цветом.

— Гун Цзе!

— О чем ты только думаешь? — запинаясь, забормотал он. — Мы... мы ничем таким не занимались! Мы друзья... Но...

Ли Чжи опустил пушистые ресницы, бросившие мягкую тень на его бледные щеки. В его голосе зазвучало робкое сомнение:

— Кажется, я больше не могу смотреть на него как на простого друга или кумира.

Он сделал глубокий вдох.

— Сяо Цзе, — его шепот был едва слышным, но отчетливо прозвучал в ее ушах, — кажется, я люблю его.

Он думал, что произнести эти слова вслух будет невыносимо трудно. Уже много дней — с тех самых пор, как он узнал, что Чу Минчжан на самом деле не увлечен Гун Цзе, — эта мысль пустила корни в его душе, расцветая с каждым новым трепетным ударом сердца.

Он и сам не понимал, в какой момент обычная зависть переросла в восхищение, восхищение — в симпатию, а та — в любовь.

У этих трех стадий была одна общая черта — отчаянная жажда.

Он жаждал руки, которую Чу Минчжан однажды протянул ему в темноте. Жаждал его присутствия, его редких проявлений нежности. Жаждал его самого.

Гун Цзе онемела, не в силах отвести от него взгляда. Ли Чжи не лгал — в этот момент его смущенный румянец уступил место мягкому, нежному свечению искреннего счастья.

Он улыбался, сам того не замечая, напоминая изящную нефритовую статуэтку, согретую внутренним теплом.

— Ты... ты уверен? — запинаясь, выдавила Гун Цзе. — Любишь? Господи, Ли Чжи, тебе не кажется это преувеличением? Нам ведь едва по шестнадцать лет, какая еще любовь? Не слишком ли это серьезно?

— Нет! — горячо возразил Ли Чжи. — Никакое это не преувеличение. Я люблю его. Правда люблю.

Он знал наверняка. Если это не любовь, то почему его сердце пускается вскачь каждый раз, когда он видит Чу Минчжана? Почему рядом с ним он чувствует себя таким счастливым?

В глазах Ли Чжи Чу Минчжан оставался безупречным и всемогущим героем. Он раз за разом вытаскивал его из бездн проблем, становясь главной опорой. Ли Чжи настолько привык полагаться на него, что одно лишь присутствие Минчжана приносило абсолютный покой.

Но важнее всего было то, что случилось в больнице, когда Чу Минчжан протянул ему руку помощи. В те дни мир Ли Чжи рушился на глазах: его единственный родной человек в этом мире мог уйти в любую секунду, оставив его в абсолютном одиночестве.

Как бы Ван Сяочунь ни обходилась с ним, Ли Чжи не мог её не любить. И в момент глубочайшего отчаяния именно Чу Минчжан оказался рядом. Он подсознательно занял в его душе место Чжоу Госюна, заполнив болезненную пустоту и ответив на самый сокровенный призыв о помощи.

Гун Цзе молчала, слушая, как он раз за разом повторяет это слово. Ли Чжи казался пьяным, одурманенным сладким наркотиком первой влюбленности.

Она сама знала, каково это, но сейчас ей стало не по себе. Ли Чжи погрузился в омут чувств с головой, не оставив себе путей к отступлению.

— И что ты планируешь делать? — спросила Гун Цзе.

Подумав, он честно признался:

— Я не знаю.

— А как думаешь... ты ему нравишься?

— Брат Минчжан? Конечно нет... — Ли Чжи по привычке поспешил возразить, но осекся. Взгляд его упал на картонный стаканчик на парте, и он замолчал.

В те дни непрерывно лило. Неделю назад, ровно в семь вечера, хлынул жуткий ливень.

Ли Чжи тогда как раз ужинал в комнате Чу Минчжана и уже собирался уходить. В комнате не нашлось зонта, и разразившаяся буря отрезала ему путь назад. Он прождал почти два часа, но дождь только набирал силу.

Ли Чжи прижался лбом к оконному стеклу:

— Сильный какой ливень.

Чу Минчжан перевернул страницу книги:

— Угу.

— Уже девятый час, — Ли Чжи сверился с настенными часами. Пора было уходить, даже если придется вымокнуть до нитки.

Чу Минчжан поднял на него глаза:

— Оставайся.

Ли Чжи опешил. Эти слова прозвучали так обыденно и в то же время внезапно, что он потерял дар речи. Чу Минчжан изогнул бровь:

— До утра лить будет.

— Да... я знаю.

— Значит, — Чу Минчжан поймал его взгляд, — оставайся.

Это был обычный дождь, обычная уловка с зонтом. Найти зонтик можно было десятком разных способов, но Чу Минчжан предложил ему остаться.

На следующий день небо прояснилось, но вечером Ли Чжи снова пришел к нему на ужин. В тот раз он ел непривычно медленно, растягивая каждый кусочек, и ухитрился запихнуть в себя две полные чашки риса. Когда около половины восьмого за окном наконец загредел гром, Ли Чжи с облегчением отложил палочки. Ощущение сытости больше не казалось таким мучительным.

Чу Минчжан давно закончил ужинать, но из-за стола не вставал. Услышав раскаты грома, он отложил телефон:

— Сегодня с зонтом?

Ли Чжи незаметно скользнул взглядом по своему рюкзаку в прихожей. Пальцы, сжимавшие палочки, напряглись, а в горле пересохло. Он покачал головой:

— Забыл.

Чу Минчжан тихо усмехнулся. Ли Чжи так и не понял, что значил этот смешок, лишь ниже опустил голову, пряча пылающие уши.

— Тогда оставайся.

На третий день лило с утра до вечера. Зонты были у обоих, но после ужина Ли Чжи не ушел, а Чу Минчжан не стал его выпроваживать. Между ними установилось молчаливое согласие. С того дня они стали жить вместе.

Порой эта атмосфера казалась Ли Чжи зыбкой и опасной, но он не мог заставить себя сделать шаг назад. Странная недосказанность рождала в нем безумные надежды, которые шли рука об руку со страхом все испортить.

Чу Минчжан охотно соглашался не ложиться допоздна. Как-то раз они всю ночь напролет резались в приставку, пока не отключились прямо на диване от усталости. Проснувшись утром, Ли Чжи застал Чу Минчжана с недовольной миной натягивающим школьную форму. Тот попытался пятерней пригладить растрепанные после сна волосы, а потом глянул на часы и процедил:

— Черт, опаздываем.

Ли Чжи впервые услышал от него простое человеческое ругательство, и это показалось ему жутко забавным. Он тихонько прыснул. Чу Минчжан хмуро обернулся:

— Ты чего ржешь?

— Да так, ничуть.

— Мы опаздываем, — повторил Чу Минчжан.

— Да, я вижу часы.

— Почему ты меня не разбудил?

— Я сам проспал.

— А будильник завести ума не хватило?

— Я думал, сам проснусь.

Чу Минчжан аж поперхнулся от такой логики. Он швырнул форму Ли Чжи в лицо:

— Быстро собирайся, опоздаем ведь.

Они умылись, почистили зубы и оделись за рекордные три минуты. Наверное, это был первый случай в безупречной жизни Чу Минчжана, когда он действительно куда-то спешил сломя голову.

Когда они прибежали к классу, на макушке Чу Минчжана сиротливо торчал непослушный вихор. Стоило им войти в кабинет, как все уставились на эту нелепую деталь его обычно идеального образа. Лицо Чу Минчжана стало чернее тучи, и на первой же перемене он смылся в туалет, чтобы пригладить волосы водой.

Ли Чжи понимал, что тот мстит ему за утренний прокол, потому и подsunул нелюбимый сэндвич с треской.

Но как бы то ни было, завтрак он все-таки принес.

Удивительно: Ли Чжи и сам не заметил, как все перевернулось и теперь Чу Минчжан заботился о его завтраках.

Настоящий Чу Минчжан разительно отличался от того образа, который видели окружающие.

Все считали его высокомерным, холодным и опасным. Даже если не брать в расчет его происхождение, один его тяжелый взгляд заставлял людей держаться на расстоянии. Но на самом деле он не был таким уж пугающим.

Он оказался самым обычным человеком. Любил сладкое, терпеть не мог острое — хотя Ли Чжи, напротив, обожал специи. Тем не менее перед выходными они усаживались вместе и выбирали сычуаньский ресторанчик. Там Чу Минчжан ел обжигające блюда, пока его губы не становились пунцовыми, но упрямо твердил, что ему ни капли не остро, а сам тайком выпивал один стакан воды за другим.

Ли Чжи прыскал со смеху, а Чу Минчжан сердился — его обида выражалась в том, что он шел рядом и демонстративно молчал.

Впрочем, он и так не отличался разговорчивостью, но Ли Чжи уже научился тонко чувствовать разницу между его обычным молчанием и недовольным.

Чтобы помириться, Ли Чжи пускался на хитрость. Он заявлял, что хочет мороженого, а

получив вафельный рожок из рук продавца, тут же перекладывал его в ладонь Чу Минчжану.

— В следующий раз поищем другое место. Кухня здесь так себе, ничего особенного, — кривил душой Ли Чжи, хотя сам только что с аппетитом умял целую гору острой говядины.

Чу Минчжан забирал рожок, глядя на слегка приподнявшего голову Ли Чжи, и цедил:

— Нормально тут кормят. Еще придем.

Ли Чжи довольно улыбался. Чу Минчжан смотрел на него несколько секунд, затем отводил взгляд и кусал холодное лакомство. Ли Чжи могло показаться, но в этот миг на губах парня проскальзывала тень улыбки.

Он любил поваляться в постели по утрам и искренне ворчал, когда его оцарапал уличный кот, которого он решил покормить.

Когда приехал семейный доктор, чтобы обработать царапину и сделать прививку, Ли Чжи сидел рядом и во все глаза смотрел на них. Чу Минчжан недовольно отвернулся:

— Чего уставился?

— Ты совсем не похож на такого человека, — признался Ли Чжи.

— На какого это?

— На того, кто подкармливает бродячих кошек... — Ли Чжи склонил голову набок. — На доброго самаритянина.

Чу Минчжан издал короткий сухой смешок:

— Это всего второй раз в жизни, когда я решил покормить кота.

— И второй раз, когда меня ободрали.

С этими словами он, проигнорировав робкие протесты доктора, достал сигарету и щелкнул зажигалкой. Ли Чжи терпеливо ждал. Когда врач собрал саквояж и ушел, Чу Минчжан заговорил снова:

— Когда мне было семь лет, в наш сад приبلудился кот.

Он замолчал на мгновение, глядя на огонек сигареты:

— Весь серый, в колтунах, пах какой-то кислятиной. Жуткое было зрелище.

— Сначала я хотел пройти мимо, но он так истошно орал, что пришлось вернуться. Я притащил его в дом и отмыл в ванной. К моему удивлению, под слоем грязи он оказался абсолютно белым. И довольно... — Чу Минчжан замялся, — милым. Я еще не успел решить, что с ним делать, как пришел прежний дворецкий и попытался унести его. Естественно, я вцепился в кота намертво.

— От криков животное испугалось, полоснуло меня когтями по руке и скрылось в кустах.

Ли Чжи слушал его затаив дыхание. Заметив, что Минчжан замолчал, он не удержался от вопроса:

— И что потом? Кот вернулся?

Чу Минчжан посмотрел ему прямо в глаза. Сделав глубокую затяжку, он хрипло ответил:

— Конец истории.

Дворецкого уволили в тот же день. Маленькому Чу Минчжану соврали, что кот сбежал. Но через пару дней за оградой усадьбы он наткнулся на окровавленный клочок белой шерсти. Семилетний Минчжан пришел к матери и спросил прямо: «Где кот?»

Он до последнего надеялся, что она повторит ложь прислуги. Он был готов поверить в сказку, лишь бы не сталкиваться с реальностью. Но мать не сочла нужным щадить его чувства. «Умер, — буднично бросила она».

— Уличные коты разносят заразу. Увидел такого — отойди и позови прислугу, пусть выгонят... И зачем только слезы лить?

Она прижала маленького Минчжана к себе и сделала знак рукой. Новый дворецкий внес в комнату пушистую лежанку. В ней сидел породистый котенок — холеный, чистокровный, размером почти с того бездомного бедолагу.

— Погляди, какой красавец. Победитель выставки CFA среди котят. Минчжан, если и держать в доме животное, то только такое.

Мальчик до боли сжал кулачки и отвернулся:

— Я не хочу его. Отдай обратно.

— Но почему? Он ведь гораздо симпатичнее... Минчжан, не расстраивай маму. Волоочь в дом дворовую кошку — это куда не годится.

— Грязным бездомным тварям здесь не место, ты должен держаться от них подальше...

Породистого котенка в итоге тоже отослали обратно — куда именно, Чу Минчжан не знал.

После этого он много лет не приближался к животным. А сегодня стоило дать слабину — и снова кровь.

— Какая печальная история, — тихо вздохнул Ли Чжи. — Тот кот... это он у тебя на аватарке?

— Да. Единственный снимок, который остался.

Ли Чжи обхватил колени руками и заглянул ему в лицо. В сигаретном дыму силуэт Чу Минчжана казался зыбким и нереальным. Ли Чжи не понимал, почему Минчжан поделился с ним этой раной, но внутри разлилось тепло: они стали немного ближе.

Тонкие струйки сизого дыма вились вокруг них, точно невидимые нити, связывая воедино. Ли Чжи ловил себя на мысли, что ему это нравится.

Ему вообще нравилось смотреть, как Чу Минчжан курит. В эти редкие минуты ледяная броня Минчжана давала трещину, обнажая растерянность и уязвимость. Его замкнутый мир приоткрывался, позволяя Ли Чжи заглянуть внутрь. И это зрелище завораживало.

Но курил тот редко, только когда на душе становилось совсем паршиво. Ли Чжи видел его с сигаретой всего дважды в жизни. Первый раз был после той истории с царапиной, а второй...

Второй раз случился сегодня.

Когда Ли Чжи вошел в квартиру, Чу Минчжан сидел на балконе, утопая в табачном дыму.

— Брат Минчжан? — удивленно окликнул его Ли Чжи. Сбросив кроссовки, он прошел к балконной двери: — Ты почему дома? Я думал, у тебя репетиция в оркестре.

— Отменил, — Чу Минчжан запрокинул голову, глядя на него снизу вверх. Кончик его сигареты тускло тлел в полумраке. Ли Чжи опустился на пол рядом. На бетонных плитах сиротливо валялось несколько смятых окурков.

— Сколько ты выкурил? — тихо спросил Ли Чжи.

Чу Минчжан заглянул в пачку:

— Немного. Полночи курю, полпачки ушло.

— Брат Минчжан, что случилось?

Чу Минчжан стряхнул пепел. Снова прижав фильтр к губам, он сделал затяжку. Его брови едва заметно сошлись у переносицы, а голос прозвучал приглушенно:

— Ничего.

Ли Чжи затих. Но стоило Чу Минчжану подумать, что разговор окончен, как послышался легкий шорох одежды. Рядом разлилось живое тепло — Ли Чжи придвинулся к нему почти вплотную.

Стоило Чу Минчжану повернуть голову, как он наткнулся на устремленный на него взгляд Ли Чжи. Его глаза казались огромными, влажными, мерцающими в полумраке:

— Брат Минчжан, тебе грустно?

— Поговори со мной, — Ли Чжи качнулся ближе. В уголках его губ и изломе бровей сквозила такая неприкрытая тревога, что сердце замирало. — О чем ты молчишь?

Чу Минчжан замер, не в силах отвести глаз, словно замороженный взглядом Медузы. Лишь когда тлеющий табак обжег пальцы, он резко вздрогнул.

Опустив ресницы, Чу Минчжан слегка отодвинулся назад. Оборвав тишину, он задал совершенно неожиданный вопрос:

— Ли Чжи, ты курить умеешь?

Ли Чжи растерянно промолчал.

Чу Минчжан коротко, безвесело усмехнулся:

— Хочешь попробовать? Я научу.

Он затушил окурок и достал новую сигарету. Прижав фильтр губами, прикрыл огонек ладонью

— зажигалка щелкнула с коротким металлическим звоном. Подняв голову, Чу Минчжан медленно выдохнул струю серого дыма:

— Вот так. Проще некуда.

Он отложил зажигалку и протянул пачку Ли Чжи:

— Пробуй.

Ли Чжи молча смотрел на картонную коробочку. Он не взял ее и не произнес ни слова. Вместо этого он сделал то, чего Чу Минчжан никак не ожидал.

Подавшись вперед, он оперся ладонью о бедро Чу Минчжана и уверенно перехватил губами сигарету прямо из его пальцев. Прикрыв глаза, он затянулся. Чу Минчжан сверху вниз видел его подрагивающие ресницы, тонкую линию подбородка и изящный изгиб шеи.

Затяжка Ли Чжи вышла на удивление уверенной — казалось, он умеет курить едва ли не лучше самого Чу Минчжана. Приоткрыв затуманенные глаза, он пьяно улыбнулся:

— Получилось.

Между ними оставалось всего пара сантиметров — ничтожно малое расстояние. Они дышали в лицо друг другу, едва не соприкасаясь кончиками носов.

Они могли сосчитать ресницы друг друга и различить собственные отражения в глубине чужих зрачков.

Весь мир замер. Сигарета выпала из пальцев на пол и осталась тлеть, ее тлеющий кончик пульсировал в темноте, как бьющееся сердце. В этот миг они не слышали даже шума ветра — лишь прерывистое, тяжелое дыхание друг друга.

— Брат Минчжан, тебе очень больно? — едва слышно выдохнул Ли Чжи. Его шепот коснулся уха, как нежное перышко. — Я же чувствую.

— Тебе тяжело.

Что толкнуло его на этот шаг? Отражение в глазах Чу Минчжана или собственный безумный пульс? Ли Чжи больше не сомневался. Все его мысли растворились в тишине, оставив лишь одно ощущение — тепло чужих губ.

Пальцы Ли Чжи сами собой вцепились в плечи Чу Минчжана. Он неумело, робко прижался к

его губам, пытаясь углубить поцелуй. Движения его были отчаянными и неловкими.

Он ощутил во рту горьковатый привкус темного шоколада — фирменный аромат сигарет Cigaronne. Эта горечь дурманила голову и манила за собой, как и сам Чу Минчжан.

Сколько длился этот поцелуй? Ли Чжи потерял счет секундам. Наверное, ровно столько, сколько горит сигарета. И в тот миг, когда упавший окурок окончательно потух, Ли Чжи ощутил резкий, грубый толчок в грудь.

От неожиданности он не удержался на ногах и упал на бетонные плиты. Чу Минчжан резко вскочил, наступив тяжелым ботинком прямо на окурок. Тлеющий огонек погас под его подошвой, а вместе с ним мгновенно испарилось все то зыбкое, дурманящее притяжение.

— Брат Минчжан... — испуганно позвал Ли Чжи. Он попытался улыбнуться, но губы свело судорогой. — Что случилось?

Лицо Чу Минчжана потемнело. Он выглядел как человек, внезапно очнувшийся от наваждения. Глубоко дыша, он вцепился в металлические перила балкона с такой силой, что костяшки его пальцев побелели. Ли Чжи испугался, что стальной прут вот-вот треснет:

— Что ты делаешь?..

— Какого черта ты делаешь?! — взревел он.

Ли Чжи никогда не видел его таким — разъяренным, со звериным оскалом. Его собственные руки мелко задрожали. В этот миг страх отступил перед волной растерянности и горькой обиды.

Разве он ошибся? Что он сделал не так? Неужели он неверно все понял?

Но зачем тогда были все эти молчаливые уступки, редкие проявления нежности, эти долгие, многозначительные взгляды? Что все это значило?

Почему... почему всё обернулось этим кошмаром? Мысли Ли Чжи путались, голова казалась пустой.

— Брат Минчжан... — его голос сорвался на плач. — Что это значит?

— Я не понимаю... Я ничего не понимаю...

Он отчаянно ждал хоть какого-то объяснения, но Чу Минчжан даже не посмотрел в его

сторону. Резко выдохнув, он указал рукой на прихожую:

— Убирайся.

Ли Чжи застыл, ледяной холод сковал его конечности. Только тогда Чу Минчжан наконец посмотрел на него. Он закричал во весь голос:

— Убирайся!

— Чтобы духу твоего здесь больше не было, тварь! — выплюнул он и резко отвернулся, словно один взгляд на поверженного Ли Чжи мог запачкать его.

Этот неприкрытый, ядовитый гнев вонзился в сердце Ли Чжи, словно острый клинок. Боль была такой невыносимой, что перехватило дыхание. Он не помнил, как поднялся с пола и как дотащился до прихожей.

Казалось, он шел босиком по лезвиям ножей, а на блестящем мраморе гостиной оставался невидимый кровавый след его разбитых надежд.

Тяжелая дверь захлопнулась, навсегда отрезав его от Чу Минчжана. В ту же секунду силы оставили его. Словно лишившись костей, Ли Чжи осел на холодный пол подъезда.

И наконец разрыдался в голос.

<http://bllate.org/book/20441/2162630>